

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ

Е.Ю. Сафронова¹

Алтайский государственный университет

АРХИВНЫЕ РАЗЫСКАНИЯ О БАРНАУЛЬСКОМ ДОКТОРЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО²

В статье предпринимается попытка выяснения имени барнаульского доктора, верно диагностировавшего болезнь писателя в середине февраля 1857 г., – настоящая эпилепсия. Свидетельство об этом факте содержится в эпистолярной писателем (письма брату Михаилу и другу барону А.Е. Врангелю от 9 марта 1857 г.). Привлекая архивные источники, автор работы предполагает, что «честным и дельным» барнаульским доктором мог оказаться только Иван Антипович Преображенский – коллежский советник, исправляющий должность Инспектора Алтайских госпиталей. В статье также рассматривается, как черты прототипа получают сатирическое преломление в повести из барнаульского быта «Дядюшкин сон». Эта повесть первоначально задумывалась как комедия и предназначалась для местного театра. Образ мордасовского доктора Каллиста Станиславовича тонко обыгрывает важные детали биографии И.А. Преображенского с необходимым жанровым смещением от плюса к минусу. В процессе творческой трансформации Достоевский отталкивается от прототипа, усложняет и обогащает мольеровский образ врача-шарлатана, доводя до пародийного предела с целью завуалировать биографический контекст.

Ключевые слова: Достоевский, повесть «Дядюшкин сон», Сибирь, сибирский текст, Барнаул, биографический текст, доктор.

---

¹ Елена Юрьевна Сафронова – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета, член Международного общества Достоевского (International Dostoevsky society).

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 17-14-22003 «Сибирь Ф.М. Достоевского: семиотика пространства и нарративные стратегии».

E.Yu. Safronova
Altai State University

ARCHIVAL RESEARCHES ON the BARNAUL DOCTOR OF F. M. DOSTOEVSKY

The article attempts to ascertain the name of the Barnaul doctor, who correctly diagnosed the writer's illness as epilepsy in mid-February, 1857. A testimony of this fact is contained in epistolary of the writer (letters to his brother Michael and to his friend, baron A. E. Wrangel, dated March, 9, 1857). Involving archival sources, the author suggests that only Ivan Antipovich Preobrazhensky, a college counselor, who was the Inspector of Altai hospitals, could have been a "fair and reasonable" Barnaul doctor. The article also discusses how features of the prototype get satirical refraction in the story of Barnaul life "The uncle's dream". This story was originally conceived as a comedy and was intended for the local theatre. The image of Dr. Callist Stanislavovich from the town of Mordasov subtly shows the important details from the biography of I. A. Preobrazhensky with the necessary genre shift from plus to minus. In the process of creative transformation Dostoevsky pushes off from the prototype, complicates and enriches Moler's image of a quack doctor, leading it to a parody limit in order to disguise the biographical context.

Keywords: Dostoevsky, the story "The uncle's dream", Siberia, Siberian text, Barnaul, the biographical text, a doctor.

Тема «Достоевский и Сибирь» продолжает оставаться недостаточно изученной и периферийной, несмотря на сделанное более полувека назад замечание В.Я. Кирпотина о том, что «в сибирском периоде биографии Достоевского таятся ключи для объяснения многих особенностей его дальнейшего развития и творчества с их разительными противоречиями» [Кирпотин, 1959, с. 211]. Тема специфики и особенностей барнаульского и шире – алтайского и сибирского – текста Ф.М. Достоевского как целостного феномена скорее ставилась, чем решалась. В биографическом ключе к теме обращались Н.И. Якушин, М.М. Громыко, Н.И. Левченко, Н.Н. Наседкин, В.Ф. Гришаев, П.Ф. Маркин. Анализом отдельных мотивов занимались О.Г. Левашова, В.И. Габдуллина, К.В. Анисимов, Е.Ю. Сафронова и др. Наибольший вклад в изучение биографического барнаульского контекста внес историк В.Ф. Гришаев, работавший в Государственном архиве Алтайского края. Импонирует фактическая точность и скрупулезность его статей [Гришаев, 1985, 2000, 2001]. На основании формулярных списков архивных дел В.Ф. Гришаев уточнил сведения о ближайшем круге знакомых Достоевского: В.А. Полетике, Н.Э. Пишке, С.Б. Коптеве, А.Р. Гернграссе. Однако его

разыскания, выполненные только на материале ГААК, скупы и явно недостаточны, не имеют выхода к эпистолярному и художественному наследию писателя.

Поиск и привлечение новых архивных документов, выявление более глубоких связей Достоевского с Барнаулом и Сибирью в целом позволит дать развёрнутый литературоведческий, исторический и культурологический комментарий, назвать имена возможных прототипов героев и источники деталей, тем и образов писателя, тем самым проникнув в его творческую лабораторию. К сожалению, фактор времени играет против исследователей: прошло более 160 лет со времени визитов Достоевского на Алтай. Уже сейчас почти треть интересующих нас дел ГААК имеет помету ПФС (ветхое состояние). Было бы большой удачей найти новые архивные данные, детали пребывания Достоевского на Алтае и в Сибири. Например, до сих пор ученые даже и не пытались установить имя врача, впервые верно диагностировавшего эпилепсию. Задача статьи – с большой долей вероятности ответить на этот вопрос и назвать имя «ученого и дельного», по характеристике Достоевского [Достоевский, 1985, 28-1, с. 275]¹ доктора.

Как известно, Ф.М. Достоевский посещал столицу горного дела на Алтае не менее 6 раз по дороге в Кузнецк и обратно: в июне 1856, в ноябре 1856 и январе-феврале 1857 г. Последний визит в Барнаул был наиболее продолжительным и драматичным.

Поездка была назначена на 27 января, Достоевский предполагая пробыть в Кузнецке дней 15, в письме от 25 января 1857 год к другу А.Е. Врангелю беспокоится, успеет ли «в такой короткий срок доехать и сделать свадьбу» (28-1; 266). Однако, вполне возможно, что выехал писатель даже 1 февраля, поскольку именно этим числом датировано дозволение прапорщику Достоевскому жениться, подписанное командиром батальона подполковником Г. Велиховым. 6 февраля 1857 г. в Одигитриевской церкви г. Кузнецка состоялось венчание М.Д. Исаевой и Ф.М. Достоевского.

Как справедливо отмечает В.Ф. Гришаев, вернулся же он с женой и пасынком в Семипалатинск 20 февраля, прожив из-за случившегося припадка «лишних четыре дня» в Барнауле. (Сверх разрешенных 15 дней?). За это время, то есть с 27 января (или 1

---

¹ Далее текст произведений и писем цитируется по этому изданию с указанием тома, и страниц в круглых скобках.

февраля) по 20 февраля, проехал по зимним дорогам на лошадях 1500 верст, неделю с 6 по 14 февраля прожил в Кузнецке (свадьба, сборы в обратный путь и пр.). По подсчетам В.Ф. Гришаева, на долю Барнаула приходится 7-8 дней [Гришаев, 2001, с. 238], вопреки позднейшим воспоминаниям П.П. Семенова (позднее прибавившему к фамилии Тянь-Шанский), написанных спустя полвека, в преклонном возрасте, когда знакомого писателя уже не было в живых и его образ приобрел ореол мученика и страдальца.

По свидетельству П.П. Семенова, Достоевский прожил у него «две недели в необходимых приготовлениях к своей свадьбе», и они по несколько часов в день «проводили в интересных разговорах и в чтении еще неоконченных “Записок из Мертвого дома”, дополняемых устными рассказами» [Достоевский в воспоминаниях, 1991, Т. 1, с. 310], посещениях любительских спектаклей и прогулках по зимнему простору Оби. И далее: «Через неделю возвратился ко мне с молодой женой и пасынком, в самом лучшем настроении духа и, прогостив у меня еще две недели, уехал в Семипалатинск...» [Достоевский в воспоминаниях, 1991, Т. 1, с. 310-311]. Семенов говорит о пяти неделях поездки, т.е. 35 днях, в то время как документы (подорожная и эпистолярные свидетельства) сжимают этот срок до периода в 20-24 дней (с 27 января-1 февраля -20 февраля 1857 г.).

На обратном пути в Семипалатинск молодожены останавливаются в Барнауле у П.П. Семенова, квартировавшего в доме купца В.И. Зубова по адресу «Большая Олонская, 39».

По данным «Летописи жизни и творчества Достоевского 1821-1881 гг.» около 15 февраля 1857 г. [Летопись, 1999, с. 234] после всех перенесенных волнений с писателем произошел эпилептический припадок, произведший на молодую супругу гнетущее впечатление и поставившей под сомнение семейное счастье молодоженов уже в медовый месяц.

В неточных воспоминаниях П.П. Семенова факт диагностирования эпилепсии не отразился. «Пребывание в „Мертвом доме“ сделало из талантливого Достоевского великого писателя-психолога. Но не легко достался ему этот способ развития своих природных дарований. Болезненность осталась у него на всю жизнь. Тяжело было видеть его в припадках падучей болезни, повторявшихся в то время не только периодически, но даже довольно часто. Да и материальное положение его было самое тяжелое, и, вступая в семейную жизнь, он должен был готовиться на всякие лишения и,

можно сказать, на тяжелую борьбу за существование» [Достоевский в воспоминаниях, 1991, Т. 1, с. 310].

К сожалению, других свидетелей эпилептического припадка не было: в январе 1856 года А.Е. Врангель уехал в Петербург в надежде смягчить участь ссыльного писателя. Архивных свидетельств посещения Достоевского врачом пока отыскать не удалось. Единственной точкой отсчета поиска стало эпистолярное наследие автора.

Это событие Достоевский описал дважды в письме барону А.Е. Врангелю 9 марта: «В Барнауле со мной случился припадок, и я лишних четыре дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно: доктор сказал мне, что у меня настоящая эпилепсия, и предсказал, что если я не приму немедленных мер, то есть правильного лечения, которое не иначе может быть, как при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы, которая почти всегда случается со мной во время припадка)» (28-1; 270). В этот же день писатель рассказывает этот эпизод и в письме к брату Михаилу от 9 марта 1857 г., более подробно описывая происшедшее: «...я остановился в Барнауле у одного моего доброго знакомого. Тут меня постигло несчастье: совсем неожиданно случился со мной припадок эпилепсии, перепугавший до смерти жену, а меня наполнивший грустью и унынием. Доктор (ученый и дельный) сказал мне, вопреки всем прежним отзывам докторов, что у меня настоящая падучая и что я в один из этих припадков должен ожидать, что задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого. Я сам выпросил подобную откровенность у доктора, заклиная его именем честного человека. Теперь пойми, друг мой, какие отчаянные мысли бродят у меня в голове» (28-1; 275).

Обратим внимание на временной промежуток почти в три недели между происшедшим в Барнауле около 15 февраля 1857 г. сильнейшем припадком эпилепсии и его описанием. Четыре дня больной был настолько слаб, что не мог двинуться в дорогу, да и неделю спустя 23 февраля 1857 г. чувствует недомогание, жалуется на плохое самочувствие в письме сестре Варваре Михайловне: «Если б не легкая хворость, еще оставшаяся во мне (после припадка. – Е.С.), то я вполне был бы спокоен и счастлив» (28-1; 268-269).

Недомогание, частичная амнезия, нередко наблюдавшаяся у Достоевского после припадка, и стрессовое состояние, вызванное

сильным эмоциональным потрясением, обусловили отсутствие точных фактов в письмах автора брату Михаилу и другу Врангелю: не названо имя П.П. Семенова («один мой добрый знакомый»), дата события и имя доктора, диагностировавшего болезнь, хотя присутствует его характеристика «учёный и дельный». В этот момент важнее осознание происшедшего как «несчастья», поставившего под сомнение возможность семейной гармонии. Поставленный барнаульским доктором диагноз – «настоящая падучая», «я захохочу от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого» – окажется спустя 24 года пророческим.

Таким образом, в разысканиях квалифицированного барнаульского доктора, остававшимся 160 лет безымянным, мы можем опереться только на характеристику самого Достоевского – честный, «ученый и дельный», поскольку других свидетельств об этом событии не сохранилось. Можно предположить, что к Достоевскому, очень уважаемому в Барнауле писателю, лично знакомому с горным начальником алтайских заводов Андреем Родионовичем Гернгроссом, действительно пригласили лучшего доктора, пользующегося авторитетом у горожан.

Подробнее опишем методику поиска имени врача. Это было сложно, почти в слепую, поскольку дела в ГААК не систематизированы. Материалом для анализа послужили формулярные списки старших медицинских чиновников рудников и заводов округа (Ф. 2, опись 1, Д. 6146) за разные годы. Всего нами проанализированы послужные списки 19 медицинских чиновников, среди которых 12 врачей, 5 фельдшеров, 2 ветеринара. Подобные архивные разыскания имеют сопутствующие результаты: нами были обнаружены имена служащих Барнаульской казенной аптеки, которых мог знать Достоевский, поскольку аптека расположена неподалеку от дома Зубова, где останавливался писатель с семьей и где покупал лекарства. Это Яков Иванович Шеперенберг – аптекарь 2 степени, коллежский асессор, управляющий барнаульской казенной аптекой и Родион Иванович Попов – аптекарь 2 отделения, титулярный советник, провизор барнаульской казенной аптеки.

Удалив ветеринарных врачей и служащих аптеки, а также молодых фельдшеров, не соответствующих авторскому определению «ученый и дельный», путем перекрестного и сопоставительного анализа формулярных списков, биографических данных, командировок с большой долей вероятности можно озвучить имя доктора, верно диагностировавшего болезнь 15 февраля 1857 года в

Барнауле в доме купца Зубова по адресу «Большая Олонская, 39». По нашему глубочайшему убеждению, единственным возможным доктором, верно диагностировавшим болезнь писателя и честно предупредившим о грозящей опасности, мог быть только Иван Антипович Преображенский – коллежский советник, исправляющий должность Инспектора Алтайских госпиталей. Он действительно был очень уважаемым в городе человеком. Служил в Кольвано-Воскресенских заводах с 1831 г., в 1855 г. получил знак за 20 лет беспорочной службы. С 1850 г. исполнял обязанности директора Барнаульского отделения Общества попечения о тюрьмах, в 1853 г. утвержден в этом звании. В 1855 г. определен к должности Инспектора Алтайских госпиталей, в 1856 г. произведен в коллежские асессоры. За отличную и усердную службу при исправлении должности инспектора Алтайских госпиталей награжден орденом св. Станислава 3 ст. 26 августа 1856, т.е. за полгода до припадка Достоевского. Иван Антипович Преображенский действительно был «ученым и дельным» доктором, пользующимся большим уважением среди горожан.

Теперь зададимся вопросом: можно ли верифицировать предположение и найти подтверждение гипотезы в тексте повести «Дядюшкин сон», которая, как мы доказали ранее¹, содержит целый ряд барнаульских аллюзий.

На первый взгляд, такое сопоставление может показаться некорректным и необоснованным: честный, «ученый и дельный» барнаульский врач Достоевского и мордасовский доктор, который советует нищему учителю Васе полечиться за границей, в Испании, где морской климат; а князю ставит диагноз, смехотворность и ироничность которого очевидна даже непосвященному в медицину читателю – «воспаление в желудке, как-то перешедшее (вероятно, по дороге) в голову» (2; с. 395). Однако при более взвешенном отношении и внимательном чтении можно увидеть в сатирическом, памфлетном образе черты прототипа, развернувшиеся в комическом варианте. Для Достоевского был значим принцип «детальности», при котором штрихи, детали автобиографического плана важнее, чем крупные события в их макроописании. Любой художественный текст исключает прямую фактографию, трансформируя ее, а в комическом

---

¹ См., например, [Сафронова, 2016].

тексте биографические детали должны быть вывернуты наизнанку, отражены по принципу кривого зеркала и завуалированы, представляя собой криптограмму для читателя и исследователя.

Подробнее остановимся на ситуации диагностирования болезни – верной в случае с Достоевским и неверной в случае с его героями Васей и князем К. Для самого писателя эта ситуация имела экзистенциальное значение: «если б я наверно знал, что у меня настоящая падучая, я бы не женился» (28-1; 275), – признавался Ф.М. Достоевский брату Михаилу. Для его героев ситуация сюжетообразующая, но зеркальная: они больны, следовательно, не могут жениться. В повести не один пациент, а целых два: молодой учитель Вася и старый князь К., которые являются двойниками друг друга как несостоявшиеся женихи Зины. Мордасовский доктор не столько их лечит, сколько констатирует факт болезни, и его неверная диагностика в повести подвергается осмеянию. Он не может понять этиологию болезни, у Васи не видит чахотку, а только сильное грудное расстройство. Марья Александровна говорит дочери Зине: «Говорят, он в чахотке и скоро умрет. Но кто же это говорит? Я на днях нарочно спрашивала о нем *Каллиста Станиславича* (здесь и далее курсив наш. – Е.С.); я интересовалась о нем, потому что у меня есть сердце, Зина. *Каллист Станиславич* отвечал мне, что болезнь, конечно, опасна, но что он до сих пор уверен, что бедный не в чахотке, а так только, довольно сильное грудное расстройство. Спроси хоть сама. Он наверно говорил мне, что при других обстоятельствах, особенно при изменении климата и впечатлений, больной мог бы выздороветь» (2; с. 327).

Две смертельных болезни Ф.М. Достоевского: эмфизема легких и эпилепсия словно поделены между этими персонажами, а комическое описание является почти парафразой из писем автора: «если я не приму немедленных мер, то есть правильного лечения, которое не иначе может быть, как при полной свободе, то припадки могут принять самый дурной характер, и я в один из них задохнусь от горловой спазмы» (28-1; с. 270, Врангелю); «задохнусь от горловой спазмы и умру не иначе, как от этого» (28-1; с. 275, брату Михаилу). В случае с Васей – это болезнь легких, неверно диагностированная Каллистом Станиславовичем. В случае с князем болезни еще более узнаваемые: геморрой и припадки «с у-ди-вительными симптомами» (2; с. 314), которые обещается описать князь, но так и не выполняет своего обещания. Здесь Ф.М. Достоевский почти проговаривается, намекая на «любопытную болезнь» (2; с. 315): «когда у меня бывают

припадки, то вообще у-ди-вительные при этом симптомы (Я вам подробнейшим образом их опишу») (2; с. 314).

В этиологии болезни консилиума мордасовских врачей¹ видится перверсия смысла загадочной болезни Достоевского, аберрация которой сохраняется и по сей день.

В начале 1990 г. невропатолог Н.И. Моисеева и психиатр О.Н. Кузнецов пытались опровергнуть факт болезни Достоевского, заменив эпилепсию гипертонической болезнью². Норвежские ученые настаивают на особой болезни – «болезни Достоевского». И правнук писателя Дмитрий Андреевич в интервью украинской газете «Бульвар Гордона» от 29 июля 2015 г. отрицает физиологический характер эпилепсии предка, в качестве аргументов ссылаясь на внезапность припадков и отсутствие генетического характера болезни (говоря об ее отсутствии у него самого, сына и внуков)³. Заметим, что правнук немного лукавит, поскольку от эпилепсии умер сын Ф.М. Достоевского Алеша, была больна дочь писателя Любовь Федоровна, болезнь передана и по линии брата писателя Андрея.

Оставим в стороне дискуссии о характере болезни Достоевского. Мы считаем, что у писателя была именно эпилепсия, хотя мнения ученых – биографов, литературоведов, медиков – очень разнятся по этому поводу. Психологи реконструируют психологические характеристики личности гения на основе изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского (Е.Н. Холондович), литературоведы говорят об эпилептическом типе сознания писателя, тоннельном мышлении (например, А.Н. Кошечко) и др.

Живший с писателем в одной квартире в Петербурге доктор А.Е. Ризенкамф в годы своего учения в Петербургской медико-хирургической академии считал болезнь Достоевского просто нервными припадками [Ризенкамф, электронный ресурс,

---

¹ «...от мордасовского гостеприимства у князя сделалось воспаление в желудке, как-то перешедшее (вероятно, по дороге) в голову» (2; с. 395).

² См.: [Богданов, электронный ресурс, <http://www.hrono.info/text/2007/bogd0108.php>]; [Моисеева, 1993]; [Моисеева, 1994]; [Моисеева 1996], [Моисеева, Электронный ресурс, <http://pereroidenie.info/zabolevaniya/sindrom-dostoevskogo.html>].

³ См.: Федор Михайлович Достоевский: антология жизни и творчества [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fedordostoevsky.ru/news/2015/117>. (14.09. 2017).

<http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/rizenkampf-vozpominaniya-o-dostoevskom.htm>]. Молодой автор эти странные нервные припадки с кратковременной потерей сознания называл «кондрашкой с ветерком» и не относился к ним серьезно, полагая, что они пройдут со временем.

В дальнейшем к своей болезни Достоевский относился с большим вниманием, не скрывал своего недуга, тщательно анализировал, фиксировал даты приступов и описывал ощущения и самочувствие в «Дневнике лечения в Эмсе», в «Дневнике Писателя», а также художественных произведениях. Эпилептиками являются его герои Ордынов и Мурин в повести «Хозяйка», Нелли в романе «Униженные и оскорбленные», князь Мышкин в романе «Идиот», Кириллов в романе «Бесы», Смердяков в романе «Братья Карамазовы».

Возможно, что описание смертей двух пациентов, в которых очевидны авторские переживания по поводу своего здоровья, стали причиной невозможности сохранения первоначально предполагавшегося комедийного жанра повести (вспомним письмо А.Н. Майкову от 18 января 1856 г.: я шутя начал комедию» (28-1; 209)). И автор отказался от первоначального намерения написать пьесу для барнаульского театра.

Кроме того, мордасовский доктор занимает прочное место в светской жизни города, в частности, участвует в хлопотах по созданию благотворительного театра: «Ведь надобно же, непременно надобно когда-нибудь кончить все наши сборы с этим театром. Еще сегодня Петр Михайлович сказал *Каллисту Станиславичу*, что его чрезвычайно огорчает, что у нас это нейдет на лад и что мы только соримся» (2; с. 369). Иван Антипович Преображенский занимал должности директора Барнаульского общества попечения о тюрьмах, исполнял обязанности инспектора Алтайских госпиталей. В тексте повести Каллист Станиславович возглавляет консилиум медиков, отправляя им приглашения по-латыни. Напомним характеристику Достоевского: «учёный и дельный» (28-1; с. 275). Детали совпадают.

О значимости фигуры доктора в городе и особом уважении к нему говорит и отсутствие фамилии, всегда его называют только по имени-отчеству. Причем необычное имя в тексте повести «Дядюшкин сон» повторяется пять раз, чтобы читатель непременно запомнил имя мордасовского доктора – Каллист Станиславович.

Греческое имя *Каллист* означает прекраснейший, что может быть скрытой отсылкой к авторской оценке врача-диагноста как «ученого и дельного». С другой стороны, имя Каллист содержит

общие семьи (изменение качества, перехода в новое состояние) с фамилией реального врача – Преображенский. Выбирая имя персонажа, Достоевский тонко иронизирует над уровнем профессионализма мордасовского доктора.

Отчество персонажа *Станиславович* восходит к славянскому имени Станислав, что означает «стань славным». С одной стороны, это развивает еще классицистическую традицию говорящего имени комедийного персонажа. Но, с другой стороны, может содержать и намек на орден Святого Станислава 3 степени, которым был награжден Иван Антипович Преображенский за отличную и усердную службу 26 августа 1856 г., т.е. за полгода до припадка Ф.М. Достоевского.

Таким образом, привлечение новых архивных данных, с одной стороны, позволяет раскрыть белое пятно биографии Достоевского и с большой долей вероятности назвать имя квалифицированного врача, верно диагностированного эпилепсию Достоевского – Иван Антипович Преображенский. С другой стороны, реальное биографическое лицо стало только толчком творческой рефлексии, развивавшейся по законам создания комического произведения и приведшей к созданию памфлетного образа глупого и бездарного врача-шарлатана в мольеровском духе. В процессе творческой трансформации от реального прототипа до комического персонажа, Достоевский усложняет и обогащает его содержание, доводя до пародийного предела с целью завуалировать биографический контекст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданов, Н. Н. Михаил Волоцкой и его «хроника рода Достоевского» [Электронный ресурс] / Н.Н. Богданов. – URL: <http://www.hrono.info/text/2007/bogd0108.php>. (14.09.2017).

Габдуллина, В. И. Мотив «возрождение Сибирью» в эпистолярном, художественном и публицистическом дискурсе Достоевского / В.И. Габдуллина // Алтайский текст в русской культуре: сб. статей / под ред. М.П. Гребневой. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. – Вып. 6. – С. 86-98.

Габдуллина, В. И. Мотив смерти-воскресения в сибирском тексте Ф.М. Достоевского / В.И. Габдуллина // Сюжетология и сюжетография. – 2015. – №. 2. – С. 101-108.

Габдуллина, В. И. Петербург и Сибирь в парадигме художественного пространства произведений Достоевского / В.И. Габдуллина // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология. – 2005. – № 4. – С. 97-102.

Герасимов, Б. Г. Ф.М. Достоевский в Семипалатинске [Электронный ресурс] / Б.Г. Герасимов. – URL: http://az.lib.ru/g/gerasimow_b_g/text_1926_dostoevsky_v_semipalatsinske.shtml. (14.09.2017).

Гришаев, В. Ф. «Именно в Барнаул...»: Ф.М. Достоевский на Алтае / В.Ф. Гришаев // Гришаев В.Ф. Избранное. Вступ. ст. М. Юдалевича. – Барнаул: ОАО «Алт. полигр. комбинат», 2001. – С. 220-238.

Гришаев, В.Ф. К пребыванию Достоевского на Алтае / В.Ф. Гришаев // Достоевский: материалы и исследования. – Ленинград, 1985. Т. 6. 1985. – С. 192-202.

Гришаев, В.Ф. Достоевский на Алтае / В.Ф. Гришаев // Барнаул: история культуры. – Барнаул, 2000. – С. 10-14.

Громыко, М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850 – 1854 / М.М. Громыко. – Новосибирск: Наука, 1985. – 168 с. (Страницы истории нашей Родины).

Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Ленинград; Санкт-Петербург, 1972–1990.

Кирпотин, В.В. В Сибири, по местам Достоевского / В.В. Кирпотин // Октябрь. 1959. – Книга 4. – С. 208-223.

Кошечко, А.Н. Формы экзистенциального сознания в творчестве Ф.М. Достоевского (к постановке проблемы) / А.Н. Кошечко // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – 2011. – Вып. 7 (109). – С. 192-199.

Левашова, О.Г. Достоевский и Алтай / О.Г. Левашова // История Алтая: учеб. пособие. Ч.1: С древнейших времен до 1917 г. 1995. – Барнаул: Изд-во АГУ. – С. 380-385.

Левченко, Н.И. Круг знакомых Ф.М. Достоевского в Семипалатинский период жизни / Н.И. Левченко // Материалы и исследования. – Санкт-Петербург, 1994. Т. 11. – С. 235-246.

Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского 1821-1881гг. / под ред. Н.Ф. Будановой и Г.М. Фридендера. – Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство Академический проект, 1999. Т. 1. – 543 с.

Маркин, П.Ф. Достоевский в Барнауле (факты и домыслы) / П.Ф. Маркин // Алтай. – 1985. – № 3. – С. 92-96.

Моисеева, Н.И. Конец одной легенды. Чем был болен Достоевский? / Н.И. Моисеева // Достоевский и современность. – Новгород. 1994. – С.183-187.

Моисеева, Н.И. Ошибка в биографии Ф.М. Достоевского / Н.И. Моисеева // Вопросы литературы. – 1996. – № 4. – С. 321-332.

Моисеева, Н.И. Был ли Достоевский эпилептиком (История одной врачебной ошибки) / Н.И. Моисеева // Знамя. – 1993. – № 10. – С. 199-204.

Моисеева, Н.И. Ложный штамп душевного заболевания Достоевского / Н.И. Моисеева, Л.И. Никитина // Вестник гипнологии и психотерапии. – Санкт-Петербург, 1993. – № 2.

Моисеева, Н.И., Никитина Л.И. Ложный штамп душевного заболевания Достоевского [Электронный ресурс]. – URL: <http://pereroidenie.info/zabolevaniya/sindrom-dostoevskogo.html>. (14.09.2017).

Наседкин, Н.Н. Барнаул Достоевского [Электронный ресурс] / Н.Н. Наседкин // Бийский Вестник. – 2009. – № 4. – URL: http://niknas.narod.ru/4dost/dost_barnaul.htm. (14.09.2017).

Ризенкампф, А.Е. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Публикация Г.Ф. Коган [Электронный ресурс] / А.Е. Ризенкампф. – URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/bio/rizenkampf-vozpominaniya-o-dostoevskom.htm>. (14.09.2017).

Сафронова, Е.Ю. Барнаул в творческой рефлексии Ф.М. Достоевского / Е.Ю. Сафронова // Славянские языки и культура в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23-26 мая 2016 г.). К юбилею М.Л. Ремневой. Сост. О.В. Дедова и др. – Москва, 2016. – С. 418-421.

Холондович, Е.Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского: автореф. ... канд. психол. наук / Е.Н. Холондович. – Москва, 2010. – 23 с.

Якушин, Н.И. Достоевский в Сибири. Очерк жизни и творчества / Н.И. Якушин. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1960. – 212 с.